

начал читать: „ашче“, „ешче“ и т. д., услышал, как игумен вполголоса говорит: „аште“, „еште“. И остальные монахи, бывшие тогда на вечерне, этому удивились».³ Процесс этот, однако, не остановился на русскославянском; в сербские светские книги и в административные документы начали вводить и русский язык, из-за чего наступила неразбериха; создался славяносербский язык, который не мог прочно установиться ни в лексическом, ни в морфологическом отношении. Только после долгой и жестокой борьбы Вуку Караджичу удалось преодолеть эту славяносербскую путаницу и добиться победы сербского народного языка в литературе, школе, администрации и в общественной жизни.

Как утопающий хватается за соломинку, так и поработанные сербы искали утешения и ободрения в «книгах старинных». В XVII в., если не раньше, появилось в этих книгах «писание», составленное якобы на арабском языке, а потом, по приказанию какого-то «господина френскаго» (на Западе), переведенное на латинский язык, а с латинского уже на сербский. «Писание» найдено на мраморной плите (ее величина указывается точно) в фундаменте самой высокой башни церкви Дионисия Ареопагитского. Все это говорилось для того, чтобы больше верили пророческому писанию, погодно предсказывавшему события, которые произойдут в мире с 1690 по 1700 г. Предсказывались ужасные события: войны, голод, разорение городов, землетрясение. Сербы это читали (или им читали другие), дрожа от страха и в то же время надеясь, что, быть может, где-то здесь и скрывается спасение для них. Против 1696 года стояло: «Вѣликъ члвкъ хоцетъ вѣстати и тавити се в' мире». Это был год, когда русские завоевали Азов и вышли в Азовское море. Не толковали ли сербы это пророчество так, чтобы оно определенно относилось к царю Петру I? О годе 1690-м говорилось: «Да біє Френца Југлитера». Теперь его невозможно прочесть (рукопись находится в Хиландаре на Афоне); текст этот мною был изучен в 1952 г., и из него были сделаны выписки.⁴ В 1690 г. сербские «юноше» были «оружіємъ прѣпоіасани», правда австрийским, но это все-таки «сльзу отъ очію» вытирало, потому что в «крониках» своих читали, что «триста и едно лето» тому назад на Косове «ороужіє отъ стѣгну робу нашему отѣто».⁵ Большие надежды сербов не осуществились, а 1690 год принес

³ Н. Дучић. Књижевни радови, књ. I. У Биограду, 1891, стр. 74—75.

⁴ Текст этого пророчества опубликован мною. См.: Ћ. Сп. Рад о јичић. Труд Тикаре, инока от Цариграда.—Летопис матице српске, 1962, св. 2, књ. 389, стр. 144—145.

⁵ В письме патриарха Арсения III Черноевича царю Леопольду от 28 июня 1690 года.—Летопис матице српске, 1895, св. 4, књ. 184, стр. 10—12. Это письмо в действительности составил граф Джордже Бранкович. Сохранился латинский перевод его, написанный рукою Бранковича. См.: Ј. Радонић. Гроф Ђорђе Бранковић и његово време. Београд, 1911, стр. 435—436.